

ЗАПИСКИ РАННИХ ЗАПАДНЫХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ О ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ¹

Чарльз Ф. Карлсон

Киргизско-турецкий университет Манас, Бишкек

Ранние венгерские путешественники и исследователи сумели достичь многих отдаленных уголков мира. Первым и самым известным стал монах Юлиан (Julianus barát), доминиканский монах и посланец венгерского короля Бела IV. В мае 1235 г. он отплыл от одного из портов близ Константинополя на Черном море вместе с тремя другими членами монашеского ордена с целью найти и обратить в христианство мадьяр, которые, согласно хроникам, продолжали жить на своей восточной родине [Тоунбее, 1973, р. 421]. Скорее всего, Юлиан был гораздо более других озабочен обращением как можно большего числа людей в истинную религию.

После путешествия по Черному морю, Крыму и севернее по Волге, Юлиан достиг территории, ограниченной реками Волга, Белая, Кама и Урал; спустя какое-то время он наконец достиг столицы Волжской Булгарии, где ему сообщили, что мадьяры жили в одном дне пути к востоку. Юлиан нашел их на территории современного Башкортостана. Несмотря на временной разрыв в 300–400 лет и разницу между мадьярами, которые вторглись и заселили Паннонию, и теми венграми, которых обнаружил Юлиан, их язык оставался понятным друг для друга, в связи с чем трудностей в общении не возникло. Юлиан назвал эту страну Великая Венгрия, в соответствии с хрониками того времени [Тоунбее, 1973, р. 421].

Описание встречи брата Юлиана с мадьярами представлено ниже:

Он [брат Юлиан] нашел их близ великой реки Итиль (= Волга). Когда же они узнали, что он венгр-христианин, очень обрадовались его прибытию. Ему показали дома и избы, а также засыпали вопросами о короле и венграх-христианах. Все, что он говорил им, включая о вере и других вещах, они

¹ Перевод Д. Тарисова, стилистическая правка Д.М. Усмановой.

слушали с большим вниманием, т. к. их язык был всецело венгерским, и они понимали его, и он – их¹.

Именно в это время Юлиан услышал истории о неизвестных монголо-татарах из Монголии, а позже – о тюркизированном ханстве – Золотой Орде, бывших врагами мадьяр и болгар. Взволнованный, брат Юлиан отправился домой, чтобы дать отчет о своей миссии, а также сообщить новости, которые он услышал о намерении монгол вторгнуться в Венгрию и Европу. Он взял собой письмо хана Бату с ультиматумом королю Беле IV.

Затем спустя два года после его первого путешествия, Юлиан вновь намеревался вернуться в Великую Венгрию (см. рис. 1). Зимой 1237–1238 гг. в русском городе Владимире он узнал, что войска Золотой Орды под командованием Бату и его генерала Субедэя вторглись в соседние восточные территории, среди которых была и Великая Венгрия, и полностью опустошили их. Несколько лет спустя монголы напали на Венгрию и отступили в 1242 г. только из-за смерти Великого хана Угедэя в Монголии [Klima, 1966, p. 21–33].

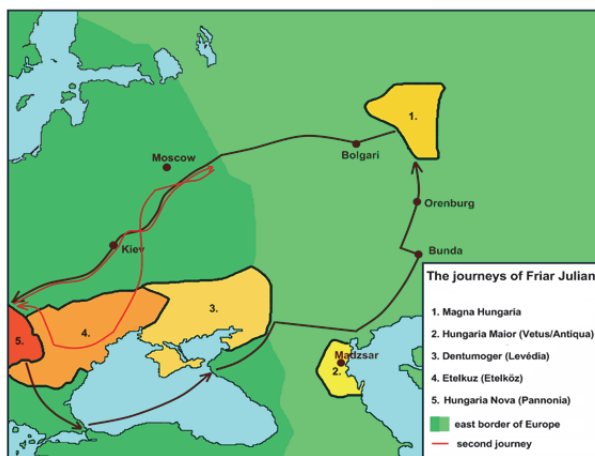

Рис. 1. Маршруты монаха Юлиана

¹ Описание сообщения, написанного в XVI в. и утвержденного Святым престолом Рима, хранимое в архиве. Текст опубликован в коллекции средневековых записей, отредактированных Имре Шентпетёри; коллекция ныне более известна как «Отчет Рикардуса» [с. 535–542]. Также это сообщение встречается в работе Барата Е. Тибора (1983) «Ранние венгры в свете последних исторических исследований», глава 5 *Эпизод, Судьба потерянных венгерских племен*.

В записках Юлиана и географических описаниях, найденных в архивах Ватикана в 1695 г., мы встречаем красочное описание богатства и великолепия монгольского двора, включая описания дворцов Великого Хана с их Золотыми столбами и воротами. Кроме того, Юлиан точно изучил результаты экспансионистской политики монгол, их военную тактику, основанную на мобильности, и их стратегию в завоевании укрепленных городов [Rschewiltz, I. de, pp. 41–43].

Юлиан может рассматриваться как первый европейский путешественник, давший достоверные сведения о венграх, живших в Великой Венгрии, что стало ценным вкладом в развитие венгерской историографии. Он был первым, кто принес новости о наступающем монгольском нашествии на Европу; он же стал тем, кто собрал достоверную информацию об Азии, тем самым создав почву для дальнейших и будущих исследований этого региона.

Венгры или мадьяры, которых обнаружил Юлиан на территории Великой Венгрии, составляли группу, отделившуюся от основной в VI в. где-то между Кубанско-Донским регионом и Днепром, гонимую к северу вдоль Волги, возможно, хазарами, которые покорили болгар, живших там. Потерявшись в этих краях, они в течение шести столетий не имели никаких контактов ни с какой другой группой венгров вплоть до их обнаружения Юлианом.

Примерно в конце VII в. основная группа двинулась на Запад к Карпатскому бассейну. Венгерский тюрколог, профессор Андреас Рона-Таш в своей работе описывает их странствия с того времени, когда они отделились от финно-угорского протосообщества, родственного современному населению Коми и Удмуртской республик между 800–500 гг. до н.э и 895 г. н. э., когда они вошли на территорию Карпатского бассейна [Róna-Tas, 1996].

К 1241 г. христианская Русь стала одной из провинций Монгольской империи. Войска Бату все еще располагались на Волге, и ничто не могло предотвратить дальнейшее нападение на Запад. Это вынудило папу Иннокентия IV послать миссию в Монголию с целью предотвращения монгольской экспансии на Запад и обращения хана и его двора в христианство. Выбор пал на францисканского монаха из Италии, Иоанна Плато де Карпини (1180? – 1252). Он должен был доставить письмо Гуюку, третьему великому хану и старшему сыну недавно почившего хана Угедэя.

Экспедиция Карпини отправилась в путь в апреле 1245 г. Их маршрут проходил через Киев, татарский пост Канив, а затем от Днепра к Дону и по Волге (см. рис. 2). Именно Плато Карпини первым из западных путешественников дал этим рекам их современные названия. После пути в 5 тысяч километров, длившегося 15 месяцев, пройдя через резиденцию хана Бату на территории Нижней Волги и Волжской Булгарии, 22 июня 1246 г. экспе-

дияция наконец достигла столицы Монголии Каракорума, где они встретили хана Гуюка. Тогда же П. Карпини предложил ему принять христианство, на что хан ответил, что сперва римский папа и европейские короли должны присягнуть ему на верность.

13 ноября П. Карпини покинул Монголию, взяв с собой ответ Гуюка Папе, которое он доставил в ноябре 1247 г. К слову сказать, послание было довольно настораживающим: «Вы сами должны прийти во главе своих королей и поклясться Нам в своей верности и преданности. Если же вы пренебрежете волей Бога и не подчинитесь нашим командам, Мы станем смотреть на вас, как на Наших врагов» [Dawson, 1955].

Хотя П. Карпини и постигла неудача в деле обращения хана в христианство, значение его путешествий заключается в том, что он создал рукопись *Historia Mongolorum* [Giovanni da Pian del Carpine, 2006], давшую Европе ценные сведения о жизни монголов, их традициях и взглядах на мир. Мнение же самого брата Иоанна состоит в том, что «это первое подлинное описание Азии и в то же время самое проникательное и детальное описание Монголии, которое мы имеем в XIII в.»¹. Несмотря на христианское восприятие братом Иоанном того, что он описывал, его труд до удивительной степени объективен и стал широко известен по всей Европе через отрывки, помещенные в энциклопедии *Speculum Historiale* [Astrik], составленной Винсентом из Бове.

В описании терпимости и милосердия монголов во время завоевательных кампаний, Плано Карпини говорит, что ведущие войска монголов «не берут с собой в атаку ничего, кроме войлока, оружия и лошади. Они никогда не разграбляют, не сжигают домов, не убивают животных; они ранят и убивают людей, либо заставляют их биться, хотя первое они делают с гораздо большей охотой, чем второе» [Barthold, 1977, p. 423]. Каждый мужчина может иметь столько жен, сколько он может себе позволить, кто-то сто, кто-то пятьдесят, кто-то десять, больше или меньше, – отмечал Карпини. Общепринятой является традиция жениться на любой женщине, за исключением матери, дочери или единокровной сестры.

Плано Карпини также описывал жилища монголов, которые представляли собой кругообразные шатры из прутьев и длинных жердей. В центре своеобразного «потолка» этого жилища есть отверстие для очага, в связи с чем они всегда жгут огонь в центре. Некоторые из таких жилищ разбираются и перевозятся на телегах с животными. Куда бы они не шли, будь то война или что-либо другое, они всегда берут свои жилища с собой.

¹ Интервью с профессором Дэном Воухом (Professor Dan Waugh), Вашингтонский университет, Сиэтл, 2003 г.

Рассматривая верования монголов, Плано Карпини утверждал, что они верят в единого бога, сотворившего все видимое и невидимое. Тем не менее у них есть идолы из войлока, изображающие человека, которые они помещают на каждой стороне двери своего жилища; под ними они кладут фигурки в виде груди, которая, по их представлениям, охраняет скот.

Когда монгол умирает, его хоронят тайком в поле, если он из знатных лиц, то хоронят его вместе с юртой, точнее сидящим в ее середине, перед ним ставят стол и корыто, наполнив мясом, чашу с кумысом. Если же умирает очень важное лицо или сановник, его также тайком хоронят на открытой местности в большой яме. С боку этой ямы делают под землей еще одну яму, и под покойника кладут любимого раба этого лица.

Плано Карпини также описал методы, при помощи которых они переправлялись через большие реки [Barthold, 1977, p. 421].

Профессор Юлай Шамильоглу, историк и специалист по Золотой Орде, полагает, что монголы далеко не приветствовали главную цель Плано Карпини по получению доступа и сбору точной информации о военной угрозе, представляемой ими [Willem van Ruysbroeck].

В противоположность миссии Карпини, делегация брата Гильома Рубрука носила исключительно религиозный характер. Гильом Рубрук, францисканский монах, который был посланцем французского короля Луи IX (Святого), отправился в путь в 1253 г. старинным путем к Центральной Азии через Константинополь и Крым, а уже далее через государство, более известное, как Золотая Орда. Фактически он повторил путь, некогда совершенный братом Юлианом. В лучшем случае, его путь туда и обратно длился три года.

Достигнув монгольских аванпостов, Рубрук начинает описывать то, что практически перекликается с тем, что Карпини видел восемью годами ранее. Каждый из них достиг двора хана Бату, главный аванпост монгольской силы на западе, и оба добрались до двора Великого Хана Монголии, однако уже теперь им был Мункэ, другой внук Чингиз-хана, которого Рубрук и посетил (см. рис. 2).

По возвращении Рубрук представил королю Луи весьма точный и ясный отчет, озаглавленный как «Путешествие в восточные страны» (*Itinerarium fratris Willielmi de Rubruquis de ordine fratrum Minorum, Galli, Anno gratia 1253 ad partes Orientales*). Отчет, разделенный на 40 глав, представляет собой настоящий шедевр средневековой географической литературы, сравнимый с трудами Марко Поло. Тем не менее взгляд Рубрука более живой, и все написано с гораздо большими деталями, даже более правдиво и убедительно. По пути Рубрук задавал прохожим много вопросов и всем интересовался, однако он никогда не воспринимал народные предания и истории как истинную правду.

Рис. 2. Маршруты Плано Карпини и Гильома Рубрука

Профессор Юлай Шамильоглу считает труд Рубрука своим любимым, пожалуй, даже наиболее важным источником для полного и правильного понимания Центральной Азии середины XIII в.¹ Фактически Рубрук дал этнографическое описание, и, судя по нему, сегодня мы можем говорить об образе жизни простых людей, и о том, как жила знать. Он дает обширные сведения о торговой истории, которую он записал, пересекая Крым, о том, как вел свои дела с местными властями, о том, как выглядели ханские жены. Он описал европейцев, которые были пленены или прислуживали в ханском дворе в Каракоруме. Он писал о тамошней бедности, о еде жителей Монголии. «Я не могу представить себе какой-либо другой источник, который был бы таким же детальным, с надежностью которого мы могли бы судить о жизни более поздних народов, будь то кипчаки, казахи или другие», – отмечает Юлай Шамильоглу.

В своем отчете Рубрук писал об образе жизни монголов, их куполообразных шатрах из войлока, или юртах, об интерьере, украшенном деревьями, животными и растениями. Он описал то, как монголы перевозили свои юрты от места к месту в поисках лучших пастбищ, как женщины в жилище всегда занимали восточную часть, а мужчины – западную. Также Рубрук

¹ Интервью с профессором Ю. Шамильоглу, университет Висконсина, 2003 г.

рассматривал храмы, увиденные им в Каракоруме, идола, как они утешают себя, молясь своим богам. Кроме того, он описал дворец Великого Хана и пиры, что проходили там [Grousset, 1970, с. 280–281].

Глазами Рубрука мы видим грозного Бату, «восседающего на позолоченном стуле или троне, размером с кровать, куда было дозволено приближаться не ближе, чем на три шага; рядом с ним одна из его жен» [Grousset, с. 280], мы также можем засвидетельствовать бесконечные пьяные пиры в Каракоруме. Наконец, можно лицезреть его встречу лично с Великим Ханом в Пентекосте, что было описано профессором Кристофером Доусоном в его книге «Делегация в Азию», как одна из наиболее примечательных встреч в истории [Dawson, 1980].

Кроме того, в своем труде Рубрук приводит многочисленные результаты своих географических исследований, описывая особенности Монголии, произведя тем самым первое научное описание Центральной Азии. Он нашел ответ на давний вопрос, приводя в одном из отрывков своего труда факт того, что север Каспийского моря есть континентальное море, и оно не впадает в Северный Ледовитый океан.

Когда Рубрук получил разрешение вернуться в Европу, Великий Хан вручил ему письмо для короля Луи, которое гласило: «Пока уши могут слышать, пока лошади могут ехать, да будет же известно: те, кто не верит, но сопротивляется нашим приказам, не сможет видеть своими глазами, держать своими руками и идти своими ногами. ... Если вы подчинитесь нам, пришлите своих послов, дав нам тем самым знать, мира вы хотите или войны» [Dawson, 1980].

Из истории и сообщений первых трех путешественников нам известно, что в религиозном отношении монголы были терпимыми и уважали веру завоеванных ими народов. В мае 1254 г., когда Рубрук еще находился в ставке Великого Хана, он (хан) устроил официальные дебаты при монгольском дворе между представителями трех религий – братом Вильгельмом (как христианином), буддистом и мусульманином, для того, чтобы выяснить, которая из них наиболее правильная. Будучи сторонником тезиса, Рубрук занял одну позицию с мусульманскими богословами против буддийских философов, настаивавших на доктрине двух принципов – добра и зла, а также на переселении душ животных. Один из несторианских священников даже спросил Рубрука, существует ли отдельный мир для душ животных, где они могли бы быть свободны от принудительного труда [Grousset, 1970, p. 281].

Часто говорят, что историю пишут победители, однако в отношении монголов можно сказать, что у них была своя история, известная как «Тайная история монголов» [Barthold, 1977, p. 389]. Это единственный прямой

источник информации о жизни монголов XIII века, а также это бесценное сокровище для лингвистов, этнографов и этнологов, как, впрочем, и для историков, занимающихся изучением истории кочевых народов. В «Тайной истории» Чингиз-хан представлен не только как легендарный личность и воитель, но также и как великий государственный деятель и политик, который своей «железной волей» положил конец раздорам между монгольскими племенами, погрязшими в анархии, возвестив тем самым об одной из наиболее ранних демократий.

Литература

Astrik L. Gabriel. Vinzenz von Beauvais. Ein mittelalterlicher Erzieher / Astrik L. Gabriel. – Knecht, Frankfurt am Main, 1967.

Barath Tibor E. The Early Hungarians in the Light of Recent Historical Research / E. Barath Tibor. – Ch. 5. Epilogue, Fate of the Lost Hungarian Tribes. – Montreal, 1983.

Barthold W. Turkestan Down to the Mongol Invasion / Barthold W. Gibb – Memorial Trust. – Fourth Edition. – 1977.

Benkő Mihály. On the tracks of Friar Julian / English translation by Mihály Benkő. – Timp, Budapest, 2001.

Carlson Ch. Early travelers, Part 1: Missions to the Mongols / Ch. Carlson // Asia Times. – 2003.

Dawson Chr. The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries / Chr. Dawson. – New York, 1955.

Dawson Chr. Mission to Asia / Chr. Dawson. – University of Toronto Press, 1980.

Giovanni da Pian del Carpine. Historia Mongalorm, 1245–1247 (“Storia dei Mongoli”, Edizione Critica, Spoleto, Centro italiano di studi sull’alto medioevo, 1989) / traduzione in mongolo di Lkhagvajav Nyamaa, 2006.

Grousset René. The Empire of the Steppes, a History of Central Asia / Grousset René. – Rutgers University Press, New Jersey, 1970.

Interview with Professor Dan Waugh, University of Washington, Seattle, in 2003.

Interview with Professor Uli Schamiloglu, University of Wisconsin, in 2003.

Klima László. The Linguistic Affinity of the Volgaic Finno-Ugrians and Their Ethnogenesis / Klima László // Studia Historica Fenno-ugrica I. – Oulu, 1966.

Rockhill William Woodville, tr. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts of the World, 1235–55, as narrated by himself, with two accounts of the earlier journey of John of Pian de Carpine. London: Hakluyt Society, 1900.

Róna-Tas András. The Migration and Landtaking of the Magyars / Róna-Tas András // The Hungarian Quarterly. – Vol. XXXVII, № 144. – Winter. – 1996.

Rschewiltz I. de. Papal Envoys to the Great Khans \ I. de Rschewiltz. – Stanford, California: Stanford University Press, 1971.

Toynbee Arnold Joseph. Constantine Porphyrogenitus and His World / Toynbee Arnold Joseph. – Oxford University Press, 1973.

Tyerman C.J. Review Article: The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the court of the Great Khan Möngke, 1253–1255, by Peter Jackson / C.J. Tyerman // *The English Historical Review*. – Vol. 109. – No. 433. – Sept. 1994. – Oxford University Press.

Willem van Ruysbroeck. Giovanni (da Pian del Carpine, Archbishop of Antivari), Giovanni di Piano Carpini (abp. of Antivari). The Journey of William of Rubruck to The Eastern Parts of the World, 1253–55. – Printed for the Hakluyt Society.